

Глава 4

Беспощадное солнце висело в зените, и его яростный блеск заставлял глаза слезиться. Группа наёмников, надрываясь, тянула на канатах два тяжелых грузовика, медленно продвигаясь вперед по бескрайнему песчаному морю.

Грубые верёвки глубоко впивались в плечи Шэнь Яня, оставляя на коже багровые, сочащиеся кровью борозды. Юноша никогда в жизни не мог представить, что наступит день, когда ему придётся впрячься в машину, словно тягловому скоту, и тащить её через пустыню.

Голод, иссушающая жажда и нескончаемые желтые пески, сливающиеся с небом... Взгляд Шэнь Яня затуманился.

Наёмники были суровы: за всё время пути они не предложили ему ни единого кусочка лепешки. В этом отряде каждый должен был приносить пользу, а такой, как Шэнь Янь, в их глазах не стоил и объедков.

Раздался глухой звук — Шэнь Янь окончательно выбился из сил и рухнул лицом в горячий песок.

Мир вокруг расплывался. Перед глазами возникли запыленные сапоги, а в ноздри ударил резкий запах дубленой кожи. Кто-то грубо приподнял его за подбородок, и в пересохшее горло полилась живительная влага.

Когда Шэнь Янь снова пришел в себя, рядом с ним лежала черствая пшеничная лепешка и бурдюк с водой.

— Добро пожаловать в отряд, — раздался над ухом голос Чжао Ко. — Нам как раз не помешает лишний подсобный рабочий.

Шэнь Янь через силу улыбнулся.

«Подсобный рабочий» — это всё же лучше, чем «личный слуга». Юноша не знал, почему Чжао Ко вдруг передумал и решил оставить его, но одно он понимал точно: став частью отряда, он обретал в этом мире хоть какой-то статус. Теперь он перестал быть тенью, существующей вне всяких правил, и получил призрачный шанс на выживание.

Наёмники могли быть беспощадны к чужакам, но к своим они относились иначе. Шэнь Янь уже успел заметить, что их связывали те узы, когда в минуту смертельной опасности ты, не раздумывая, доверяешь товарищу свою спину.

Чжао Ко лишь в недоумении качнул головой. Неужели роль личного слуги казалась этому мальчишке такой пугающей? На вид юнец был хрупким и слабым, но характер у него оказался

на редкость строптивым. Впрочем, упрямство и несгибаемая воля — именно то, что необходимо наёмнику, чтобы преодолеть немислимые испытания. К тому же у командира накопилось немало вопросов, на которые он надеялся получить ответы.

Жажда терзала Шэнь Яня, но он понимал, что пить залпом нельзя. Он приложился к бурдюку, делая лишь маленькие, осторожные глотки, а затем принялся за еду. Пшеничная лепешка оказалась ещё суше и жестче, чем он ожидал. Видимо, чтобы хлеб хранился дольше, его выпекали до тех пор, пока он не начинал отдавать гарью.

Зажмурившись, Шэнь Янь с трудом проглотил кусок. Чжао Ко, наблюдая за ним, решил, что парень вот-вот расплчется от благодарности. «Смотрите-ка, получил воду и еду — и сразу слезы на глазах», — подумал он.

— Ну как тебе? — спросил командир. — В эти лепешки добавлена мясная крошка, чтобы быстрее восстанавливать силы.

Шэнь Янь промолчал. Теперь понятно, откуда взялся этот странный привкус сырой плоти. Сначала он грешил на то, что до крови стер десны о жесткую корку.

Когда в желудке появилась хоть какая-то еда, силы начали постепенно возвращаться. Оглядевшись, он увидел, что остальные продолжают тянуть машины, но на горизонте, там, где пустыня граничила с Бездной, показалась полоска зелени.

«Сколько же я пролежал без сознания?» — мелькнуло в голове.

Немного отдохнув, Шэнь Янь спрыгнул с грузовика. Было некрасиво оставаться в кузове, пока другие надрываются на жаре.

Наёмники провожали его странными взглядами. Все уже знали, что он принялся в отряд, но вовсе не как «человек капитана», а как обычный разнорабочий. Глядя на его субтильное телосложение, никто не верил, что он выдержит тяжелую физическую работу. Они то и дело переглядывались, пытаясь разглядеть в парне нечто особенное. Чжао Ко не был тем, кто из сострадания подбирает каждого встречного; он никогда не заключал убыточных сделок, а значит, в этом юноше скрывались таланты, которые наёмники ещё не успели оценить.

Шэнь Янь подошел к Старине Дуну, подхватил канат и, навалившись всем телом, спросил:

— Дядя Дун, мы скоро выйдем из песков. Неужели и дальше придется тащить машины вручную?

Старик усмехнулся:

— Это только начало. Впереди Великий Изумрудный Лес. Там живут Лин, а они ненавидят

людей не меньше тварей из Бездны. Придется идти тихо, чтобы шум моторов не привлек их внимания.

Шэнь Янь оцепенел. Ему казалось, что существование Жэньгуй — существ из Бездны — уже само по себе предел возможного, но теперь выяснилось, что есть ещё и Лин.

— А Лин... они кто такие? — осторожно поинтересовался он.

Старина Дун посмотрел на юношу:

— Лин? Раньше они тоже были людьми. В отличие от Жэньгуй, которые мутировали под действием вируса Р-источника, раса Лин — плод генной инженерии. Когда-то давно люди сами создали их, чтобы использовать как передовые отряды в невыносимых условиях, где обычный человек не выжил бы.

Старик вздохнул, вспоминая старые предания.

— Но в какой-то момент Лин объединились и подняли мятеж. Они не пожелали быть рабами и живым орудием. Совершив переворот, они навсегда откололись от человечества.

Он указал рукой в сторону густых зарослей:

— Раньше там тоже была пустыня, но благодаря Лин всё расцвело. Они наделены куда более тонким чутьем к силам природы, чем мы, а их тела — сама грация и скорость. У них острые уши, изящные фигуры и почти болезненная тяга к прекрасному. Если бы наши пути не разошлись, жизнь людей была бы куда легче.

Шэнь Янь слушал, не скрывая изумления. Существа Бездны — жертвы вируса, жители леса — плод науки. Выходило, что человечество раскололось на три ветви, имеющие общие корни, но люто ненавидящие друг друга.

— Лин давно не признают себя нашими сородичами, — покачал головой Старина Дун. — Они предпочли забыть, чьими руками были созданы. Так что в лесу нужно быть настороже. Они не чета призракам Бездны: Лин прекрасно чувствуют себя при свете дня. Эх, такая совершенная раса никогда бы не смирилась с ролью слуг.

Впрягшись в канат, Шэнь Янь размышлял о том, как причудливо переплелись в этом мире пути эволюции. Но когда они вплотную подошли к лесу, он понял, что его представления о местной жизни были слишком ограниченными.

Едва они покинули мертвые пески, как мир вокруг взорвался многообразием форм. Прямо у опушки вековое дерево внезапно открыло глаза. На его коре отчетливо проступало лицо старика.

— Это древесные люди, — пояснил Старина Дун. — Потомки скрещивания человека и дерева. Они живут невероятно долго и ладят с расой Лин. Нрав у них мирный, они не питают вражды ни к кому.

Затем старик указал на странное существо с телом обезьяны, крыльями и человеческим лицом:

— А это дитя союза человека, обезьяны и летучей мыши.

У Шэнь Яня пошла кругом голова. Появление Полубога Виктора от связи человека и божества ещё можно было принять — боги по определению непостижимы. Но союзы людей с деревьями или животными? Это не укладывалось в рамки здравого смысла.

Однако Старина Дун говорил об этом с полной уверенностью, словно пересказывал сухие факты из учебника истории. Казалось, самого понятия репродуктивного барьера между видами в этом мире не существовало.

— Предания гласят, — продолжал старик, — что раньше мир был иным. И люди, и животные выглядели по-другому. Но когда вирус Р-источника попал в Плавильную печь жизни, все старые правила были стерты.

В мифологии этого мира Плавильная печь жизни была сакральным механизмом, управлявшим законами мироздания. Р-источник стал тем самым ящиком Пандоры, который разрушил границы между видами, установив новый, хаотичный порядок. Результатом стал мир, где многообразие форм жизни не знало пределов.

— Всех их называют Полулюдьми, — добавил Старина Дун.

«Значит, человечество расколосось не на три части, а на четыре, — подвел итог Шэнь Янь. — Обычные люди, Жэньгуй в Бездне, Лин в лесах и бесчисленное множество Полулюдей, разбросанных повсюду».

Этот мир определенно сошел с ума. Того немногого, что он узнал за эти дни, хватило бы на целую летопись.

***

Наёмники тащили машины с самого рассвета, и лишь к сумеркам на горизонте показались очертания города. Чжао Ко и его люди заметно расслабились.

— Ну, наконец-то мы дома, — выдохнул кто-то.

— Перед вами Город Наёмников, — торжественно произнес Старина Дун. — Здесь царит хаос,

но есть и свои законы. Этот город стоит уже тысячу лет. Бесчисленные войны сотрясали эти земли, но никому так и не удалось его разрушить.

В голосе старика слышалась гордость за это суровое место. Шэнь Янь тоже почувствовал облегчение: два дня в пустыне стали для него запредельным испытанием. Плечи ныли, кожа была содрана в кровь, и мысль о том, что можно будет наконец остановиться, казалась райским блаженством.

На дороге стали появляться другие группы наёмников, спешащие к городским воротам.

Чем ближе они подъезжали, тем отчетливее Шэнь Янь видел руины: обветшалые стены, покосившиеся дома и... горы мусора? Повсюду высились нагромождения ржавых шин, разбитых машин и векового пластика. Город больше напоминал колоссальную свалку в стиле постапокалиптического боевика.

Когда грузовики въехали внутрь, Чжао Ко направил их к заброшенному складу неподалеку от ворот. Навстречу им высыпали люди: в основном женщины и дети, а также несколько калек-наёмников — всего около полусотни человек. Склад мгновенно наполнился радостными криками. Отряда не было больше трех месяцев, и их благополучное возвращение стало настоящим праздником.

Шэнь Янь внимательно осматривался. Теперь этот обветшалый склад станет его домом. Условия жизни здесь были, мягко говоря, спартанскими.

В толпе он заметил хлопотливую женщину, которую все называли Тётушкой Дун. Должно быть, это была жена Старины Дуна.

— Я знала, что вы вернетесь со дня на день! — весело прикрикнула она. — Уже приготовила свежую пшеничную муку. Сейчас напеку вам лепешек — обещаю, будут такие же твердые и ароматные, как вы любите!

У Шэнь Яня, который как раз изучал обстановку, при этих словах невольно дернулось веко. Он-то надеялся, что, покинув пустыню, он наконец-то попробует что-то другое. Но нет — снова эти каменные лепешки.

Посмотрев на корзину с мукой, которую вынесла Тётушка Дун, Шэнь Янь нерешительно произнес:

— Послушайте... а может, сегодняшний ужин приготовлю я?